

А. Р. Мухутдинов

СПЕЦИФИКА ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ СУЛТАНА СУЛЕЙМАНА КАНУНИ

Аннотация: В статье исследуется политика Османской империи в отношении России в период правления Сулеймана I. В центре внимания автора целый ряд дискуссионных вопросов истории российско-турецких отношений. Автор приходит к выводу о том, что после опричного переворота изменение курса Турции в отношении России на враждебный не было окончательным.

Ключевые слова: Османская империя, Россия, Сулейман I, российско-турецкие отношения, русско-турецкие войны

Artur R. Mukhutdinov

SPECIFICITY OF TURKISH-RUSSIAN RELATIONS IN THE EPOCH OF SULTAN SULAYMAN KANUNI

Abstract: The article examines the policy of the Ottoman Empire in relation to Russia during the reign Suleiman I. The author focuses on a number of issues in the history of Russian-Turkish relations. The author comes to conclusion that after the oprichnina coup the change in Turkey's policy towards Russia against the hostile was not final.

Keywords: Ottoman Empire, Russia, Suleiman I, Russian-Turkish relations, Russian-Turkish wars

История российско-турецких отношений охватывает более пяти столетий. В последнее время и отечественные, и турецкие исследователи подчеркивают схожесть двух стран с историко-культурной, цивилизационной точки зрения. Близость исторических судеб двух трансконтинентальных империй, свое рода духовных лидеров восточнохристианского и мусульманского мира, уникальное геополитическое положение, историко-культурная роль «Востока» на Западе и «Запада» на Востоке, географическая близость – указанные и иные факторы способствовали и сегодня продолжают благоприятствовать развитию многовековых экономических, политических, духовно-культурных связей России и Турции [6, с. 3]. Историки говорят о своеобразном феномене отношений по линии Россия – Турция [5; 8], содержание которых на протяжении веков было весьма неоднозначным – как мирным, так и конфликтным.

В настоящее время перед российской наукой встает крайне актуальная задача объективной оценки исторической эволюции двусторонних отношений с учетом исключительного разнообразия мнений и оценок, имеющихсся в отечественной и зарубежной историографии по данной проблематике. Оживленные дискуссии в научной среде вызывает целый ряд вопросов: в какой исторический период и какие именно предпосылки выступили катализатором формирования нисходящего

вектора турецкой политики по отношению к России; какие обстоятельства, напротив, способствовали выстраиванию конструктивного диалога между странами. Данная статья является попыткой внести определенный вклад в осмысление уроков прошлого.

Как известно, в правление султана Сулеймана Великолепного (1520–1566) Османская империя переживала апогей своего развития, в том числе и в сфере внешней политики. Однако турецко-российские отношения в указанный период можно охарактеризовать как сложные и весьма неоднозначные. Хотя первая русско-турецкая война (1568–1570) началась уже после эпохи Сулеймана I, многие отечественные историки ведут речь о наличии у Турции агрессивных замыслов в отношении России, тогда как турецкие ученые отрицают данный тезис; западные же исследователи упрекают султана в «равнодушии, недостаточном внимании к действиям московитов». [11, с. 59–61, 92; 22, с. 210–211; 23, с. 45; 24, с. 39]

Опираясь на комплекс исторических источников, представим наш авторский взгляд на данную проблему. Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что сразу по восшествии на престол в 1521 г. Сулейман дважды прямо запрещал крымскому хану идти походом на Россию [11, с. 49], а в 1523 г., по некоторым сведениям, к разгрому крымского войска ногаями при попытке завоевания Крымом Астрахани имела отношение не только российская, но и турецкая дипломатия [4, с. 247]. По мнению одного из ведущих российских востоковедов М. С. Мейера, Сулейман не видел в России союзника против Польши или польско-крымской коалиции, но, считая противниками Габсбургов и папство в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, полагал целесообразным поддерживать с Москвой мирные отношения [13, с. 104]. Тогда почему и когда ситуация кардинально изменилась?

Действительно, правление Сулеймана I сопровождалось практически непрерывными войнами с австрийскими или испанскими Габсбургами и их союзниками (Венгрия, Венеция и т. д.), с Ираном и другими странами. Война с Венгрией, которой вскоре стали оказывать помощь Габсбурги, началась уже в 1521 г., когда турками был завоеван Белград.

Другой причиной сдержанной позиции Турции по отношению к Крымскому ханству, на взгляд исследователей, выступало то, что последнее отнюдь не поддерживало идею турецкого господства на Каспии [12, с. 330], впрочем, как и идею усиления турецких позиций на северных берегах Черного моря. Как отмечает российский историк В. Д. Смирнов, вся история Крымского ханства после его подчинения в 1475 г. Османской империи определялась «борьбой двух начал – национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности, и... турецко-османского, старавшегося... сохранить за собой верховенство над Крымом» [1, с. 139]. Это противостояние доходило до прямых актов неподчинения и даже восстаний со стороны ханов, помимо всего прочего вызванных и недовольством крымской правящей знати султанскими запретами нападать на Россию.

Лишь с гибелью крымского хана Ислам-Гирея в 1537 г. власть Турции над Крымом существенно укрепилась [11, с. 56–58; 20, с. 102–114], однако разногласия при этом не были урегулированы. На наш взгляд, необъективную и исторически не соответствующую действительности точку зрения высказывает автор иссле-

дования «История Крыма» А. Р. Андреев (хотя его работа основана на многочисленных исторических источниках), который отмечает, что «по указанию турецких султанов Крымское ханство обязано было проводить политику, враждебную Московскому государству, однако татарские ханы часто выступали на русской стороне во время войн Москвы с Литвой и Польшей» [1, с. 140]. Исторические документы, однако, свидетельствуют о прямо противоположной ситуации, за исключением, пожалуй, ситуации 1534–1537 гг., когда Крым выступил против Польши в союзе с Россией и Молдавией, но не вопреки, а, как справедливо подчеркивает А. Д. Новичев, под давлением Турции [15, с. 90–91]. Влияние польского фактора на российско-турецкие отношения заслуживает отдельного внимания и не является предметом исследования в настоящей статье. Для нас в данном случае важно отметить то, что султан сдерживал ханскую агрессию против России, не в последнюю очередь потому, что резонно опасался, что, подчинив большую часть бывших золотоордынских владений, крымский хан перестанет нуждаться в вассальных отношениях с ним.

Рассматривая специфику российско-турецких отношений в контексте общеевропейской истории, обращает на себя внимание тот факт, что Сулейман I действительно был занят другими вопросами. Некоторые авторы отмечают, что после битвы при Мохаче (1526), когда было нанесено сокрушительное поражение объединенному венгро-чешско-хорватскому войску, султан, получив определенную индульгенцию, активизировал антироссийскую политику [11, с. 59–61, 92]. Приверженцы данной точки зрения, однако, не приводят убедительных исторических аргументов. Между тем исторические данные свидетельствуют, что после битвы при Мохаче позиция султана, как уже подчеркивалось, отнюдь не соответствовала указанной.

Мир с династией Габсбургов, разделивший Венгрию между собой и турецким ставленником Запольяи, был заключен только в 1533 г., но практически сразу вспыхнула война с Ираном (до 1555 г.), а в 1535–1540 гг. – с Габсбургами, Папой Римским и Венецией на Средиземном море; в 1540 г. снова начались военные события в Венгрии [17, с. 82–84]. Эта война закончилась миром в Адрианополе 1547 г. и разделом Венгрии на австрийскую и турецкую части и зависимое от Турции княжество Трансильвания [19, с. 194]. Закономерно, что в подобных условиях официальная позиция Стамбула на действия Москвы в отношении постордынских ханств по-прежнему была пассивной. Так, хотя в 1524 и 1538 гг. турецкими посольствами и были сделаны при Московском дворе официальные заявления о том, что Казанское ханство признало себя османским вассалом [4, с. 82, 101], однако на практике они не нашли подтверждения.

Некоторые авторы (А. В. Виноградов, Г. А. Санин [14]) отмечают участие турок в набегах крымцев на Россию в 1536, 1537, 1552 гг., однако достоверность этих сведений доподлинно не установлена. По версии И. Б. Грекова, в 1537 г. султан просто предписывал крымчакам оказывать содействие казанскому хану [4, с. 290]. В некоторых исторических трудах также можно обнаружить сведения о том, что в 1541 г. в ханском походе на Москву принимали участие и турки. Современные исследователи объясняют данный факт тем, что в 1541 г. (равно как в 1537 и 1552 гг.)

это были не османы, а скорее крымские регулярные части, организованные по образцу янычар [20, с. 117–118]. Как уже отмечалось выше, для осман в 1541 г. отношения с Россией не являлись приоритетными: помимо войны в Венгрии (именно в 1541 г. была взята Буда) им пришлось в это время отражать испанский поход в Алжир [2, с. 220]. В целом, проблема участия османских войск в военных действиях Крымского ханства заслуживает отдельного научного исследования. Письмо султана в поддержку независимости Казани, датированное 1552 г., по предположению С. Н. Чернявского, скорее было сфабриковано крымским ханом с целью повысить моральный дух казанцев [20, с. 137]. На завоевание Астрахани (1554–1556 гг.) Стамбул, как видится, не посчитал нужным отреагировать на официальном уровне.

В 1556–1560 гг. русские войска перенесли боевые действия на территорию Крымского ханства и в районе Очакова разбили турок, хотя некоторые историки считают, что и в Очакове это были не турки, а организованные по образцу янычар крымские части [20, с. 146–148]. В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что в 1556 г. хан обращался за помощью к турецкой стороне, однако не получил ее [16, с. 57]. Лишь в 1558 г. произошло первое достоверно подтвержденное столкновение с турками: русскому воеводе Д. Адашеву при разгроме западного берега Крыма удалось захватить два турецких корабля [1, с. 145–147]. Однако и тогда Турция не спешила оказывать помощь Крыму. Представляется, что поиск причин подобной ситуации необходимо осуществлять в контексте анализа общеевропейской политики.

В этой связи нужно упомянуть, что в данный период Западная Европа была расколота на два лагеря. Один представляла мировая держава Габсбургов, включавшая Священную Римскую империю и Испанию. Ей, в свою очередь, противостояла коалиция Франции, протестантских стран (Англия, скандинавские страны, немецкие протестантские княжества, с 1566–1572 гг. – Нидерланды). В эту же коалицию входила и Османская Турция.

Правительство Ивана Грозного поддерживало Габсбургов по двум причинам. Во-первых, «римский цесарь» пользовался определенным уважением со стороны Ивана Грозного как преемник Древнего Рима [3, с. 314]. Во-вторых, Габсбурги выступали за то же самое, за что после опричного переворота стал бороться и Иван Грозный – против ограничения монаршего деспотизма, против буржуазного развития, против западных протестантов и их русского аналога – «нестяжателей».

Так, одним из поводов к Ливонской войне послужил переход ливонцев из католичества в лютеранство. Даже ведя военные действия с католическими Польшей и Литвой, Иван Грозный неоднократно подчеркивал, что борьбу он ведет на самом деле с «безбожными люторами». Со своей стороны Папа Римский уже в начале 1560-х гг. всерьез рассматривал первого русского царя в качестве союзника Контрреформации вплоть до его участия в Тридентском соборе [18, с. 41]. Историки указывают на наличие исторических сведений о том, что Иван Грозный завещал русский престол эрцгерцогу из дома Габсбургов, если его сын Федор останется бездетным (завещание было уничтожено Борисом Годуновым) [10, с. 414].

Однако, как указывалось выше, данный вектор политики явно обозначился только после опричного переворота, ознаменовавшего конец «либеральных» по тем временам реформ Адашева – Сильвестра и поворот к деспотизму и тирании. Как известно, внешняя политика представляет собой продолжение внутренней политики. Так, в 1570 г. по инициативе царя произошло резкое ухудшение установленных в «либеральный» период царствования отношений между Россией и одним из главных врагов Габсбургов – английской королевой Елизаветой. Причина состояла не только в том, что, как указывает Р. Г. Скрынников, что Елизавета не являлась самодержавной государыней, которая «сама всем владеет», но у нее «люди всем владеют» и помимо «государевых прибытков» и «своих прибытков смотрят», но и в том, что «Филиппа короля Шпанского английские люди с королевства свели [после смерти в 1558 г. его супруги – королевы Марии Кровавой. – А. М.], а тебя учинили на королевстве» [18, с. 316].

Возможно, и Сулейман Великолепный рассчитывал, что Россия все же примет сторону союзников Турции в конфронтации с Габсбургами. На наш взгляд, в значительном мере можно согласиться с утверждением М. С. Мейера о том, что «русский курс Стамбула с 1514–1516 гг. ...принципиально не менялся до конца 1560-х гг.», и именно по указанным этим автором причинам. Однако «других противников» у Турции хватало и после 1566 г. (год смерти Сулеймана Великолепного): например, с 1566 по 1568 гг. Турция воевала с австрийскими Габсбургами [2, с. 233–241, 253–254, 265]. Закономерно предположить, что причина перемены турецкой политики состояла скорее в переориентации Ивана Грозного на Габсбургов.

Впрочем, поход 1569 г. на Астрахань потерпел неудачу, а с 1570 г. Турция снова вступила в войну с Габсбургами, в этот раз испанскими, и Венецией [9, с. 28]. В успешном крымском походе на Москву 1571 г. турки не участвовали. Приводимые рядом авторов сведения об участии в походе крымцев 1572 г. (завершившимся на этот раз разгромом ханского войска в битве на Молодях) турецкой артиллерии и 7000 янычар также вызывают сомнения: как и в предыдущих походах туркам, восстанавливавшим свой флот после разгрома при Лепанто, было не до новых военных действий [16, с. 174, 188; 20, с. 163]. Дж. Бальфур прямо указывает, что по мирному договору 1570 г. «татары и московиты были предоставлены самим себе для выяснения отношений» [2, с. 250]. В свою очередь Г. Штаден, отмечает, что при крымском войске «было несколько знатных турок»; о янычарах при этом упоминания отсутствуют [21, с. 20].

Очередное столкновение России и Турции произошло при выборах польского короля в 1576 г. Вопреки усилиям как России, так и Габсбургов в итоге избран был ставленник Турции, трансильванский князь Стефан Баторий. Отметим, что Россия поддерживала свои претензии прямыми военными действиями против Польши, а Турция – военной демонстрацией 120-тысячного крымского войска на польских границах. Не вполне понятно, выступало ли продуманной частью подобной демонстрации разорение крымцами Волыни [1, с. 420].

Однако это преодоление исторического распутия с поворотом к конфронтации оказалось не окончательным. С переходом Польши в габсбургско-католический лагерь (окончательно – в Смутное время) внешнеполитическая позиция России

снова претерпела изменения. Россия Романовых в Тридцатилетней войне стала поддерживать антигабсбургскую коалицию, и то, чего напрасно ожидал во время своего правления Сулейман I, наконец произошло: Россия и Турция стали союзниками. Так, Турция воевала с Польшей в Смутное время (1614) или в 1633–1634 гг., в период Смоленской войны, хотя Крымское ханство в той войне оказывало помощь польской стороне. Отметим, что и попытки «бунта» ханов против султанов имели место [1, с. 181–183]. Со своей стороны русское правительство, не желая портить отношения с Турцией, приказало донским казакам оставить Азов, захваченный ими в 1637 г. и удержанный против турецкой армии в 1641 г.

Ситуация изменилась лишь после окончания Тридцатилетней войны, означавшей крах претензий Габсбургов на мировую гегемонию и соответственно переформатирование всей мировой политической и геополитической ситуации. Противоречия между Россией и Турцией превысили потребность в хороших отношениях, и с последней трети XVII в., через сто с лишним лет после кончины Сулеймана Великолепного, историческое распутье было преодолено, и русско-турецкие войны стали частым явлением.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период, с точки зрения исторической достоверности, не вполне корректно вести речь о полном «равнодушии, недостаточном внимании турок к действиям московитов», однако в силу того, что Сулейман I считал противниками Габсбургов и папство в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, он полагал целесообразным поддерживать мирные отношения с Россией. Поэтому, хотя и нельзя абсолютно уверенно говорить об отсутствии в политике Османской империи враждебных намерений в отношении России, но в анализируемый период Турции по ряду отмеченных выше причин приходилось их всячески сдерживать.

Вопрос о том, усматривал ли Сулейман I в России союзника против Польши или польско-крымской коалиции, хотя бы периодически, заслуживает отдельного внимания и дальнейшего тщательного научного исследования. Однако нам видится важным в качестве итогового вывода подчеркнуть, что изменение курса Турции в отношении России с миролюбивого на враждебный после опричного переворота не было окончательным в силу того, что после Смутного времени Россия вновь стала рассматриваться Турцией как союзник против Габсбургов. Русско-турецкие отношения окончательно изменили свой вектор и приобрели враждебный характер лишь примерно через столетие после смерти Сулеймана Великолепного (1556).

Предложенный в данной статье историко-сравнительный анализ не претендует на исчерпывающий характер. Исследуемая нами проблема русско-турецких отношений имеет многоаспектный характер и требует детального изучения. Однако мы надеемся, что предпринятое автором исследование в контексте отдельных выявленных несоответствий в высказываемых точках зрения исследователей, внося свой вклад в освещение изучаемой проблемы, задаст новые направления для дальнейшего пристального исследования, к которому, на наш взгляд, следует еще более обширно подключить труды зарубежных авторов, а также историко-документальные сведения турецкой стороны.

В настоящее время картина российско-турецких отношений продолжает обогащаться не только новыми событиями, но и качественно новыми историческими источниками, документальными материалами, которые требуют изучения. Сегодня Россия и Турция обладают высоким потенциалом влияния на геополитическую обстановку в евразийском регионе, что позволяет по-новому обозначить проблему дальнейшего развития российско-турецких отношений в текущих условиях.

Литература

1. Андреев А. Р. История Крыма. М. : Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. 276 с.
2. Бальфур Дж. П. Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. М. : ЗАО «Центрополиграф, 2017. 639 с.
3. Валишевский К. Иван Грозный. (Репринт. изд-е, 1912). М. : ИКЛА, 1989. 418 с.
4. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М. : Восточная литература, 1963. 374 с.
5. Гюль А. У наших стран одна судьба // Международная жизнь. 2004. № 4–5. С. 145–153.
6. Зиганшин М. К. Эволюция российско-турецких отношений: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству. Дисс... канд. полит. наук. Бишкек, 2008. 213 с.
7. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве / Сост. В. И. Курукин. М. : Аграф, 2005. 250 с.
8. Иванов С. М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время) // Россия и Восток / Под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб. : Питер, 2000. 120 с.
9. Коллас. История Турции // История Турции. М. : Евролинц, 2003. С. 5-86.
10. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М. : Сварог, 1995. 768 с.
11. Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). М. : Университетское, 1963. 136 с.
12. Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М. : Омега, 2007. 604 с.
13. Мейер М. С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М. : ИВ РАН, 1996. С. 47–116.
14. Набеги крымских ханов // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2638424 (дата обращения: 12.06.2018)
15. Новичев А. Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л. : ЛГУ, 1963. 314 с.
16. Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. Из истории русско-крымского противостояния в XVI в. Белгород : Белгород, 2012. 237 с.
17. Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. СПб. : Наука, 2017. 350 с.
18. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. М. : Транзиткнига, 2005. 1005 с.
19. Финкель К. История Османской империи. М. : АСТ, 2017. 832 с.
20. Черняевский С. Н. Крымская империя. От ханства к Новороссии. М. : Вече, 2016. 384 с.
21. Штаден Г. Записки о Москве Ивана Грозного. М. : Росспэн, 2002. 238 с.
22. Fisher A. W. Muscovite-Ottoman Relations in the Sixteenth and Seventeen Centuries // *Humaniora Islamica*. V. 1. Hague-Paris, 1974. P. 30–42.
23. Kurat A. N. *Türkiye ve İdil boyu*. Ankara: TRP, 1966. 200 p.
24. The Ottoman Empire: The classical age, 1300–1600 / Ed. by Halil İnalcık; Transl. by Norman Itzkowitz. L. : Weidenfeld a. Nicolson, Cop. 1973. 257 p.

References

Andreev, A. R. (2002). *Istoriia Kryma* [History of Crimea]. 276 p. Moscow. Monolit-Evolints-Traditsiia.

Bal'fur, Dzh. P. (2017). *Osmanskaia Imperiia. Shest' stoletii ot vozvysheniia do upadka. XIV–XX vv.* [Ottoman Empire. Six centuries from elevation to decay. XIV–XX centuries]. 639 p. Moscow. Tsentropoligraf.

Cherniavskii, S. N. (2016). *Krymskaia imperiia. Ot khanstva k Novorossii* [The Crimean Empire. From Khanate to Novorossia]. 384 p. Moscow. Veche.

Finkel', K. (2017). *Istoriia Osmanskoi Imperii* [History of the Ottoman Empire]. 832 p. Moscow. AST.

Fisher, A. W. (1974). Muscovite-Ottoman Relations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. In *Humaniora Islamica*, vol. 1, pp. 30–42. Hague, Paris.

Giul', A. (2004). U nashikh stran odna sud'ba [Our countries have the same fate]. In *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no 4–5, pp. 145–153.

Grekov, I. B. (1963). *Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii Vostochnoi Evropy XIV–XVI vv.* [Essays on the history of international relations of Eastern Europe XIV–XVI centuries]. 374 p. Moscow. Vostochnaia literatura.

Inalcik, Halil (Ed.). (1973). *The Ottoman Empire: The classical age, 1300–1600*. 257 p. London. Weidenfeld a. Nicolson, Cop.

Ivanov, S. M. (2000). Rossiia i Turtsiia (obshchee i osobennoe v istoricheskom razviti v epokhu srednevekov'ia i novoe vremia) [Russia and Turkey (common and special in historical development in the Middle Ages and modern times)]. In *Rossiia i Vostok*. 120 p. St. Petersburg, Piter.

Kollas. (2003). Istoriia Turtsii [History of Turkey]. In *Istoriia Turtsii*, pp. 5–86. Moscow. Evrolints.

Kostomarov, N. I. (1995). *Russkaia istoriia v zhizneopisaniiakh ee glavneishikh deiatelei* [Russian history in the biographies of its leading figures]. Vol. 1. 768 p. Moscow. Svarog.

Kurat, A. N. (1966). *Turkiye ve Idil boyu*. 200 p. Ankara. TRP.

Kurukin, V. I. (Ed.). (2005). *Ivan Groznyi i iezuity. Missiia Antonio Possevino v Moskve* [Ivan the Terrible and the Jesuits. The mission of Antonio Possevino in Moscow]. 250 p. Moscow. Agraf.

Kuznetsov, A. B. (1963). *Diplomaticheskaia bor'ba Rossii za bezopasnost' iuzhnykh granits (pervaia polovina XVI v.)* [Diplomatic struggle of Russia for the security of southern borders (first half of the 16th century)]. 136 p. Moscow. Universitetskoe.

Madariaga, I. de. (2007). *Ivan Groznyi. Pervyi russkii tsar'* [Ivan the Terrible. The First Russian Tsar]. 604 p. Moscow. Omega.

Meier, M. S. (1996). Osnovnye etapy rannei istorii russko-turetskikh otnoshenii [The main stages of the early history of Russian-Turkish relations]. In *Osmanskaia Imperiia. Problemy vneshnei politiki i otnoshenii s Rossiei*. pp. 47–116. Moscow. IV RAN.

Nabegi krymskikh khanov [Raids of the Crimean Khans]. (2018). In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2638424 (mode of access: 12.06.2018).

Novichev, A. D. (1963). *Istoriia Turtsii. T.I. Epokha feodalizma (XI–XVIII vv.)* [History of Turkey. Volume I. The era of feudalism (XI–XVIII centuries)]. 314 p. Leningrad. LGU.

Penskoi, V. V. (2012). *Ivan Groznyi i Devlet-Girei. Iz istorii russko-krymskogo protivostoianiia v XVI v.* [Ivan the Terrible and Devlet-Giray. From the history of the Russian-Crimean confrontation in the XVI century]. 237 p. Belgorod.

Petrosian, Iu. A. (2017). *Osmanskaia Imperiia: mogushchestvo i gibel'* [Ottoman Empire: power and destruction]. 350 p. St. Petersburg. Nauka.

Shtaden, G. (2002). *Zapiski o Moskve Ivana Groznogo* [Notes on Moscow, Ivan the Terrible]. 238 p. Moscow. Rosspen.

Skrynnikov, R. G. (2005). *Ivan Groznyi. Boris Godunov. Vasilii Shuiskii* [Ivan the Terrible. Boris Godunov. Vasily Shuisky]. 1005 p. Moscow. Tranzitkniga.

Valishevskii, K. (1989). *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. 418 p. Moscow. IKLA.

Ziganshin, M. K. (2008). *Evolutsiia rossiisko-turetskikh otnoshenii: ot dvustoronnego sotrudnichestva k mnogoplanovomu partnerstvu* [Evolution of Russian-Turkish relations: from bilateral cooperation to multifaceted partnership]. PhD Thesis. 213 p. Bishkek.

The article was submitted on 24.09.2018